

ВОСПОМИНАНІЕ О ПРОТОІЕРЕѢ ВАСИЛІѢ ЯКОВЛЕВИЧѢ СИЦИЛИНСКОМЪ.

 Недавно почившій о Господѣ, въ С. Петербургѣ, почтенный протоіерей о. Василій Яковлевичъ Сицилинскій не былъ труженикъ науки, который бы всего себя, всѣ силы своего ума и воли посвятилъ изученію истинъ въ той или другой области знанія; не былъ и труженикъ гражданскій, преданный до самоотверженія изысканію новыхъ и лучшихъ условій общественнаго быта; но онъ и въ скромной долѣ служителя алтаря Господня осуществилъ въ себѣ много прекраснѣйшихъ сторонъ челоѣческой жизни.

Отецъ его Яковъ Степановичъ Сицилинскій родился въ 1747 году, и происходилъ отъ дворянъ Каменецъ-подольской губерніи, Ямпольскаго повѣта. Родовая фамилія его была Кривдюкъ-Сицилинскій. Такъ сначала и писался Яковъ Степановичъ; но потомъ онъ отбросилъ прибавку и сталъ подписываться просто—Сицилинскій. Въ 1777 году, ноября 24-го, преосвященнымъ Иларіономъ, епископомъ переяславскимъ, онъ рукоположенъ былъ во священника къ церкви Архистратига Михаила, Винитскаго повѣта, въ селѣ Василевкѣ. Но кто именно были родители о. Іакова, и какія событія жизни привели его къ сану служителя алтаря Господня, неизвѣстно. Пользуясь близкимъ отношеніемъ къ покойному о. Василию, мы неразъ заводили съ нимъ рѣчь объ этомъ предметѣ, но почти всегдашнимъ его отвѣтомъ было: «что тебѣ до моего достойнаго старца? Не тронь, — это былъ великій подвижникъ, а молитвенникъ, — какихъ я и не знаю». Съ 1777 г., т. е.,

почти сряду же по рукоположеніи его во священника, и по 1795 г., вслѣдствіе безпорядковъ въ польскихъ владѣніяхъ отъ уніи, *пробывъ* — какъ значится въ послужномъ его спискѣ за 1818 г. ¹, — *во благочестіи*, оставался безъ мѣста. Въ 1796 году, по присоединеніи къ намъ польскихъ владѣній и по возстановленіи въ нихъ порядка, онъ опредѣленъ опять къ церкви въ томъ же селѣ Василевкѣ. «А потомъ», говоритъ о немъ послужной его списокъ, «по опредѣленіи ко оной обратившагося на благочестіе бывшаго въ помянутомъ селѣ уніатскаго священника Нила, остался паки безъ мѣста, и пребылъ безъ должности два года». Но въ которомъ именно году о. Ниль, обратившись на благочестіе, занялъ мѣсто о. Іакова, послѣ чего онъ и оставался паки безъ мѣста, въ спискѣ не сказано.

Если о чемъ изъ жизни своего достойнаго старца и случалось покойному о. Василю Яковлевичу распространяться, то предметомъ его разсказовъ почти всегда были тѣ истязанія и пытки, какія довелось о. Іакову вытерпѣть отъ уніатовъ въ 1777—1795 годахъ. Изъ формулярнаго его списка видно, что о. Ниль былъ священникомъ при Михаило-архангельской церкви и до 1777 года. Вѣроятно онъ имѣлъ несчастіе, по примѣру многихъ изъ собратій своихъ, совратиться въ унію, и потому въ 1777 году на его мѣсто и былъ рукоположенъ о. Іаковъ Степановичъ. Но, какъ такому распоряженію православнаго архіерея о. Ниль не хотѣлъ подчиниться, то и оставался въ тойже Василевкѣ, стараясь удержать за собою приходъ и церковь, для служенія въ ней по чину уніатскому, въ чемъ и успѣлъ, потому что о. Іаковъ почти сряду же послѣ рукоположенія былъ отстраненъ отъ должности и оставался ни при чемъ.

Послѣ этого ему много пришлось вынести горя. По словамъ о. Василя Яковлевича родитель его былъ не изъ бѣдныхъ дворянъ, — имѣлъ въ Василевкѣ собственный домъ и прекрасное хозяйство. Уніаты, и, вѣроятно, не безъ участія о. Нила, начали съ того, что все это выжгли до тла и, такимъ обра-

¹ Болѣе позднихъ не отыскали.

зомъ, сдѣлали его совершенно нищимъ. Но на этомъ одномъ они не остановились. Бывало, завидѣвши о. Іакова на улицѣ, они ловили его; мучили, тиранили, издѣвались надъ нимъ, какъ хотѣли и какъ умѣли. А однажды пьяная толпа ѣздила на несчастномъ о. Іаковѣ верхомъ по Василевкѣ. Покойный о. Василій Яковлевичъ, останавливаясь на этомъ ужаснѣйшемъ звѣрствѣ поборниковъ уни, съ слезами благодарности, бывало, говорилъ о какомъ-то еврей, съ которымъ отецъ его былъ знакомъ по дѣламъ домашняго хозяйства, и который именно въ этотъ позорный случай верховой ѣзды на о. Іаковѣ выкупилъ его у буйной толпы деньгами, взялъ какъ его, такъ и жену, къ себѣ въ домъ и кормилъ. А затѣмъ, когда и къ нему порывалась буйная толпа униатовъ, то этотъ добрый еврей скрывалъ несчастнаго служителя Христова въ бочкѣ. Послѣ этого, замѣтка въ послужномъ спискѣ, что о. Іаковъ, 18 лѣтъ (1777—1795) оставаясь безъ мѣста, пребылъ во благочестіи», кажушаяся съ перваго раза нѣсколько странною, сдѣлана не даромъ. Это «благочестіе», стоившее ему безчисленныхъ лишений, боли и горя, было лучшимъ, можетъ быть, украшеніемъ всей его службы въ санѣ священника.

Съ потерей въ Василевкѣ и мѣста при церкви и дома съ его благоустроеннымъ хозяйствомъ, для о. Іакова, кромѣ горькихъ воспоминаній, теперь ничего не оставалось, что бы могло привязывать разбитое сердце его къ этому селу, и онъ подалъ просьбу о зачисленіи его военнымъ священникомъ. Въ 1799 г. его опредѣлили въ Алексапольскій мушкетерскій полкъ. Отсюда послужной списокъ о. Іакова становится гораздо живѣе, разнообразнѣе: его строки постоянно пестрѣютъ годами и числами походовъ. Дѣла русскому армейцу въ это время было много, и онъ, какъ священникъ, конечно не могъ отставать отъ своего полка. Чтобы не наскучить цифрами, мы упомянемъ здѣсь только о главныхъ мѣстахъ пребыванія о. Іакова съ своимъ Алексапольскимъ полкомъ, и то безъ свода годовъ и чиселъ. Первымъ мѣстомъ его похода была Бессарабія. Здѣсь онъ находился при занятіи укрѣпленія Полянки, затѣмъ—крѣпости

Аккермана, былъ при блокированіи Измаила. Отсюда онъ пошелъ въ Молдавію, и ходилъ до мѣстечка Гушъ. Изъ Молдавіи—снова въ Бессарабію, и былъ въ крѣпостяхъ Манчинелчъ, Браиловъ; отсюда ходилъ въ Керцъ Яникулъ. Изъ Керцъ Яникула, чрезъ Шарегородъ—въ Польшѣ, ходилъ на «Украйну», и 1-го марта 1812 г.—до крѣпости Бобруйскъ, «подъ француза». Здѣсь его застало Высочайшее повелѣніе, чтобы «армейскому духовенству не имѣть повозокъ, а садиться на лошадь верхомъ», вслѣдствіе чего, по слабости здоровья, о. Іаковъ остался съ лазаретомъ и прибылъ съ нимъ въ Черниговъ. Понравилось ли ему въ Малороссіи, или здоровье его было крайне слабо,—только въ Черниговѣ онъ подалъ въ отставку, и, получивши ее, прожилъ въ Малороссіи 1813, 1814 и 1815 годы. Въ 1816 г. онъ снова просилъ о зачисленіи его на службу, и 11 января 1817 г. былъ опредѣленъ священникомъ къ церкви при Гельсингфорскомъ военномъ госпиталѣ. Въ 1828 или 1829 году ¹, уволился совсѣмъ въ отставку, и остатокъ многотрудной жизни своей доживалъ въ домѣ покойнаго о. Василія Яковлевича. Умеръ въ 1831 году, 84 лѣтъ отъ рожденія. Около года жилъ онъ у сына во время его настоятельства въ Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ. Собравши старческія силы свои, бывало, онъ служивалъ тутъ божественную литургію, и, познакомившійся съ нимъ при этомъ о. протоіерей собора П. П. П—нъ, бывшій тутъ священникомъ въ то время, рассказываетъ, что это былъ старецъ сколько молчаливый, столько же и разсудительный, когда говорилъ о чемъ-нибудь; росту былъ болѣе, чѣмъ средняго; съ открытымъ, довольно строгимъ лицомъ, и большою совершенно посѣдѣлою бородою.

Свое долготѣіе о. Іаковъ завѣщалъ и старшему ² сыну своему, о. Василию Яковлевичу. Онъ родился въ Василевѣ,

¹ Имѣя подъ руками послужной списокъ 1818 г., это мы говоримъ со словъ вдовы покойнаго о. Вас. Яковлевича, Ан. Пр. Сицилинской.

² Младшій сынъ его—Іоаннъ былъ діаконъ при Гельсингфорскомъ же госпиталѣ; умеръ лѣтъ 50 отъ роду.

какъ разъ въ ужаснѣйшее время бѣдъ своего отца, и, можетъ быть, родился именно въ домѣ того добраго израильтянина, Каменецъ-подольской губерніи, въ апрѣлѣ 1784 года, о которомъ мы говорили выше, и къ памяти котораго съ такою признательностію всегда относился покойный.

О дѣтствѣ о. Василия и его отроческихъ лѣтахъ намъ ничего неизвѣстно. Въ 1799 году, когда отецъ его началъ свою полковую, постоянно-походную жизнь, ему было 15 лѣтъ. Бралъ ли его о. Іаковъ съ собой, въ свои боевыя путешествія, у родственниковъ ли гдѣ оставался онъ, или былъ уже въ ученьи, опять неизвѣстно. Образованіе получилъ онъ въ армейской дух. семинаріи, помѣщавшейся въ 13 линіи Васильевского острова, въ домѣ, занимаемомъ нынѣ Елисаветинскимъ патріотическимъ училищемъ. Окончивъ здѣсь полный богословскій курсъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и получивъ аттестатъ перваго разряда, онъ около шести лѣтъ былъ домашнимъ секретаремъ у сенатора Башуцкаго. Счастливыя способности давали ему время и возможность еще въ семинаріи съ обязанностями ученика совмѣщать учительство въ нѣкоторыхъ, и довольно значительныхъ, домахъ столицы. Въ бумагахъ его найдено письмо, вѣроятно неотосланное почему-либо, въ которомъ онъ проситъ родителя прислать ему сколько нибудь денегъ на обзаведеніе приличною одеждою, такъ какъ «казенная несовсѣмъ ладна для того, чтобы бывать въ ней на лучшихъ урокахъ.» Годъ и число въ письмѣ не обозначены, но подписано: «сынъ вашъ студентъ философіи» — такой-то ¹. Покойный о. Василій, касаясь школьной своей жизни, никогда не жаловался на скудость семинарскаго содержанія. «Столь нашъ»; говорилъ онъ, — правда, не располагалъ насъ ко сну, но вѣдь никого же онъ

¹ Вскорѣ послѣ курса о. Василия Яковлевича, съ Васильевского острова семинарія была переведена на эту сторону столицы, въ купленный подъ нее домъ на Обуховскомъ проспектѣ, а недолго спустя и совсѣмъ уничтожена: слита съ Александро-невскимъ училищемъ и семинаріей. Домъ, въ которомъ помѣщалась она, проданъ въ вѣдомство путей сообщенія. Причиной прекращенія отдѣльнаго ея существованія была крайняя недостаточность суммы, отпускаемой на армейскаго воспитанника.

и не уморилъ съ голода; а недовольному, разумѣется, вездѣ худо». По окончаніи курса, думалъ было онъ послушать въ только что открытой невской академіи лучшихъ богослововъ того времени, собранныхъ сюда со всѣхъ концовъ Россіи; но привольная жизнь у генерала Башуцкаго такъ обольстила молодого человѣка, что первый пріемъ въ академію, бывшій въ 1808 году, онъ пропустилъ, а до втораго, имѣвшаго быть въ 1814 г., не дождался, потому что ему было уже 27 л. отъ роду, и онъ подалъ прошеніе о производствѣ его въ полковые священники. Получивъ назначеніе въ новгородскій кирасирскій полкъ и женившись на родственницѣ оберъ-священника И. С. Державина—Аннѣ Прокофьевнѣ, на 14-мъ году ея отъ роду, онъ 13 ноября 1811 г. произведенъ былъ во діакона, а 14-го того же мѣсяца преосвященнымъ Амвросіемъ, митрополитомъ с. петербургскимъ, рукоположенъ во священника.

Вступая въ санъ служителя алтаря Христова, онъ свое посвященіе принималъ съ полнымъ сознаніемъ высокой важности совершавшагося надъ нимъ священнодѣйствія. Горькими слезами залился онъ, когда преосвященный возложилъ на него свою руку святительскую для преподанія ему благодати священства. Душевное волненіе ставленника не скрылось отъ наблюдательнаго взора архипастыря. По окончаніи службы, онъ позвалъ его къ себѣ.—«О чемъ такъ много плакалъ ты?» спросилъ онъ о. Василія.—«Отъ назиданія», скромно отвѣчалъ молодой священникъ; «въ силахъ ли буду, по своему скудоумію, исполнить священные обѣты посвященія?»—«Успокойся, другъ», замѣтилъ ему святитель, «ты исполнишь, я увѣренъ въ томъ». И слова архипастыря оправдались.

«Не на радость я шелъ», говаривалъ покойный, касаясь времени своего поступленія въ полкъ; «затѣи страшнаго Наполеона, которыя хорошо были извѣстны намъ, сулили полковому служакѣ только мыканье по бѣлому свѣту и горе. Но, что до меня, то я какъ-то иначе относился къ жизни, чѣмъ многіе изъ моихъ товарищей, и, когда тѣ робѣли и падали духомъ, я, перекрестясь и положась во всемъ на волю Божію, пошелъ

смѣло, безъ малѣйшей боязни». Какъ предполагалъ о. Василій Яковлевичъ, такъ и вышло: сряду же долженъ былъ оставить молодую жену свою и, съ своимъ полкомъ, идти подъ Смоленскъ, противъ француза. Здѣсь, 7 августа 1812 г. находился въ дѣйствительномъ сраженіи, 21-го того-же августа—въ дѣйствительномъ сраженіи при Бородинѣ; а 6-го ноябрю—при Красномъ. «Сколько мы вынесли тутъ горя», говорилъ онъ, «такъ я и сказать не умѣю. Увѣчье, стоны и кровь, русская, родная наша кровь, рѣкой лившаяся по землѣ, возмущала меня до глубины души. А судьба бѣлокаменной, къ которой стали мы отступать и съ которой связывали судьбу своего отечества, а уныніе людей, неувѣренность въ себѣ войска и офицеровъ, засимъ—грозное зарево огненного моря, въ которое погрузилось сердце русское, и суетня жителей Москвы, торопливо спѣшившихъ кто съ чѣмъ и кто куда,—о, мой другъ! не приведи Господь и врагу испытать того, что пришлось вытерпѣть намъ за это время»...

Отраднѣе вздохнулось сердцу его, когда полки наши погнали врага. Но эта погоня за врагомъ стоила покойному боевой прогулки, продолженіи всего 1813 года, по царству Польскому, Саксоніи, Богеміи, по герцогствамъ Франкфуртскому и Баденскому, и 20 апрѣля привела на поля при Люценѣ, 8 и 9 мая при гор. Бауценѣ, августа 14 при Дрезденѣ, 16-го при Дипшольдѣ-Свальдѣ, а 18-го при Кульмѣ, октября 4 и 6—при Лейпцигѣ. 14 ноября о. Василій Яковлевичъ, распростившись съ своими кирасирами, указомъ св. Синода переведенъ на службу въ лейбъ-гвардію—въ Финляндскій полкъ. Подвигаясь дальше и дальше на западъ, съ новыми дѣтьми своими—финляндцами, онъ достигъ границы Франціи, и 19-го марта 1814 г., съ иконой ¹ въ рукахъ, шелъ впереди своего полка при взятіи Монмартскихъ предмѣстій Парижа, — а затѣмъ — и самага Парижа. «Здѣсь», говорилъ покойный, мы,

¹ В. князь Константинъ Павловичъ приказалъ ему идти со крестомъ; но какъ креста не было съ о. Василиемъ, то онъ взялъ у полковника П. С. Ушакова образъ Николая чудотворца и съ нимъ шелъ предъ полкомъ (см. истор. д.-г. Финл. полка Марина, кн. 2, стр. 94).

помолившись Господу силъ, отдохнули порядкомъ». Отдохнувши, чрезъ герцогства Богемское, Шварцбургское, Гессенъ-Кассельское, Пруссію, Мекленбургъ и Стрѣлицъ, онъ прибылъ съ своимъ полкомъ въ Любекъ, а оттуда, уже моремъ, домой.

За свои походные труды, о. Василій Яковлевичъ награжденъ камилавкою. О первыхъ наградахъ — набедренникъ и скуфъ въ послужномъ спискѣ его не упоминается. И, сколько помнится, покойный о. Василій говорилъ, что онъ не получалъ этихъ наградъ, что камилавка ему дана была помимо набедренника и скуфьи. Въ это же время были выданы ему бронзовый крестъ и серебряная медаль за 1812 г., и таковая же медаль за взятіе Парижа 19 марта 1814 года.

Было ли, и что именно было замѣчательнаго въ жизни покойнаго о. Василія Яковлевича за эти, знаменитые въ судьбахъ Европы, два съ половиною года, намъ неизвѣстно. Онъ хоть и говорилъ иногда про это время, но говорилъ, характеризуя его вообще временемъ «ужаснымъ». Только разъ намъ довелось слышать отъ него рассказъ, какъ подъ Бородинымъ ему поручены были на сохраненіе полковыя деньги, которыя, когда ударили тревогу, онъ чуть-было не потерялъ; и потомъ, когда войска наши изъ подъ Краснаго стали отступать, ему было поручено командиромъ поспѣшить въ Москву и тамъ закупить полушубковъ для людей его полка, начинавшихъ сильно страдать отъ холода. «Это бы еще ничего», говорилъ покойный; «но выполнивши порученіе командира, я чуть-было не пропалъ съ своими полушубками: войска густыми массами стали прибывать въ Москву, а жители, захвативши кто что могъ, спѣшили изъ ней вонъ, и я, при этой адской сумятицѣ, не зналъ рѣшительно, что дѣлать; продратъ же сквозь толпы прибывавшихъ войскъ и думать было нельзя. Да, братъ», заключилъ свой рассказъ о. Василій, — «тутъ я впервые поплакалъ такъ, какъ женщины плачутъ»... Онъ рассказывалъ также, что въ походъ его за границу, какими-то судьбами ему случилось отстать отъ своего полка; и когда онъ боязливо пробирался лѣсомъ, ежеминутно опасаясь наткнуться на непріятеля, встрѣ-

тился съ нашими казаками, которые сейчасъ же представили его въ главный пунктъ своей стоянки, попросили отслужить паннихиду о упокоеніи всѣхъ, павшихъ изъ рядовъ ихъ, и, одѣлиши за трудъ весьма щедро вещами и деньгами, проводили его до своего полка.—Не вдаваясь въ подробности этихъ случаевъ изъ жизни о. Василя Яковлевича, весьма дурно улегшихся въ нашей памяти, мы замѣтимъ только, что первые два много говорятъ въ пользу о. Василя, какъ прекрасно онъ умѣлъ поставить себя предъ полковымъ своимъ начальствомъ еще въ молодые годы своего служенія, и какимъ довѣріемъ отъ него онъ пользовался.

Мирно потекла жизнь покойнаго о. Василя Яковлевича, когда онъ возвратился въ Россію и поселился въ столицѣ. «За эти два съ половиною года я такъ привыкъ къ подвижной, бивуачной жизни, говорилъ онъ, что мнѣ казалось теперь, будто я въ отставкѣ и живу на покой». Но этотъ покой о. Василя только ему казался покоемъ, на самомъ же дѣлѣ онъ далеко не былъ покоемъ, бездѣятельностію. Квартирное расположеніе финляндскаго полка — на самомъ почти концѣ Васильевского острова, скудость казеннаго содержанія, а съ другой стороны столичные запросы жизни и начинавшееся семейство, все это сильно беспокоило и заставляло его серьезно подумать о средствахъ содержанія. И онъ не разъ рассказывалъ, какъ много ему приходилось бѣгать по городу, изъ одного конца въ другой, на кой-какіе уроки. Въ тоже время онъ не забывалъ и своихъ дѣтей — финляндцевъ: устроилъ для нихъ школу и съ жаромъ принялся въ ней обучать не только закону Божію, но и грамотѣ, придерживаясь метода ландкастерскаго, и употребляя, изъ экономіи, вмѣсто бумаги и чернилъ, песокъ, всыпанный въ устроенные откосомъ неглубокіе ящики. Дѣло школы пошло успѣшно, закрѣпляя все больше и больше между нимъ и его полковыми дѣтьми—учениками нравственную связь. Емуже, его доброму сердцу, чуткому и къ матеріальному быту и нуждамъ своихъ дѣтей — финляндцевъ, принадлежитъ инициатива въ устроеніи при полку родовспомогательной палаты для женъ нижнихъ чиновъ.

По примѣру финляндскаго полка, подобныя палаты стали вводить у себя и другіе полки.

За усердную службу и труды по полку, въ 1820 г. о. Василій Яковлевичъ былъ награжденъ наперснымъ крестомъ, изъ св. Синода выдаваемымъ.

Въ 1821 г. о. Василій съ своими финляндцами ходилъ въ Польшу. Пробѣгая воспоминаніями время своей стоянки въ Польшѣ, онъ, между прочимъ, рассказывалъ о замѣчательной откровенности къ нему одного ксендза, у котораго была назначена ему квартира. Это былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ. Сначала служители Христовы не довѣряли другъ другу, дичились, какъ будто чего-то побаиваясь; но скоро потомъ сошлись, и такъ, что о. Василій безъ уваженія никогда не вспоминалъ о немъ. «Добрый онъ человѣкъ былъ», говорилъ покойный; «а ужъ какъ же и берегъ меня, такъ я право и сказать не умѣю,—точно сына роднаго». Эта дружба часто приводила служителей Христовыхъ къ откровеннымъ бесѣдамъ между собою. И вотъ однажды они толковали о сословной замкнутости благаго духовенства нашей Церкви. «Вполнѣ сознавая множество невыгодъ отсюда въ дѣлѣ духовно-нравственныхъ интересовъ религіи», рассказывалъ о. Василій Яковлевичъ,—«я не прочь былъ признать справедливыми многіе изъ доводовъ собесѣдника моего, что можно бы было этому быть и иначе. Только вдругъ, вслѣдствіе ли моего прямодушія, или по своему простодушію, добрый мой патеръ, ни съ того—ни съ сего, этотъ же самый разговоръ нашъ повернулъ на свое,—католическое духовенство».—«Чужую-то бѣду, началъ онъ, мы, конечно, перстомъ разведемъ; а коснись насъ самихъ,—такъ тоже не мало посыплется у насъ всякаго мусора и пыли. Вѣдь и у насъ, и въ нашемъ духовенствѣ почти таже сословность, что и у васъ, только, если хочешь, съ гораздо большимъ слоемъ грязи, стыда и безобразія... Прости меня, другъ мой, если я признаю тебѣ: я сынъ такого же священника, какъ и самъ, только сынъ, прижитый незаконно... У меня, въ свою очередь, двое сыновей священниками же, а третій—меньшой готовится быть

тоже священникомъ, и скоро, конечно, будетъ... Можно ли же этому и быть иначе, пусть судить Всевышній, Мздовоздатель каждому по дѣломъ его; но скучно, тяжело служителю алтаря Господня до старости носить въ своемъ сердцѣ ужаснѣйшую, адски-мучительную тугу совѣсти»...

Годовая стоянка о. Василия Яковлевича въ Иолышѣ оторвала его отъ обычныхъ его занятій съ своими учениками—финляндцами. Зато, лишь только вернулся домой, онъ удвоилъ свое усердіе по школѣ, какъ будто стараясь наверстать этотъ прогулъ свой. Въ такихъ занятіяхъ время у него быстро летѣло. Вотъ наконецъ наступило 7 число ноября 1824 г., день небывалаго наводненія нашей столицы. И въ этотъ грозный день покойный о. Василий такъ много показалъ въ себѣ добраго, истинно-христіанскаго чувства человѣколюбія, что ему удивлялись даже знакомые его, еще раньше убѣжденные въ его прекрасныхъ качествахъ. Занимая квартиру въ госпитальномъ домѣ своего полка, довольно помѣстительную, но въ нижнемъ этажѣ зданія, и видя вокругъ себя страшное потопленіе всего, онъ перевелъ свое семейство въ квартиру полковаго врача, бывшую надъ его квартирой, а самъ, не смотря на затопленіе своей квартиры и имущества, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на холодъ и бурю, кричалъ, суетился, бросался на улицу, лишь только представлялась какая нибудь возможность подать руку помощи погибавшимъ въ наводненіе. Къ вечеру 7 ноября въ квартирѣ его оказалось до 20 человѣкъ, спасенныхъ имъ. Но не тутъ былъ конецъ его подвигамъ. Утромъ 8 числа о. Василий перебрался чрезъ смоленское поле, на которое смотрѣлась его квартира, и, посѣщая несчастные гаванскіе дома, въ болѣе пострадавшихъ изъ нихъ нашелъ пять семействъ полумертвыхъ отъ страха, холода и голода, и всѣхъ перевезъ кое-какъ къ себѣ въ домъ. Теперь въ квартирѣ его было болѣе 40 человѣкъ. Многіе изъ нихъ были люди извѣстныхъ фамилій¹, но большая часть ихъ были гаванскіе бѣд-

¹ Генеральша Телепена съ семействомъ, ст. сов. Бракеръ—тоже, ст. сов. Степанова, вдова Барятинская, семейство Овчинниковыхъ.

няки. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, потерявши въ наводненіи все, что было у нихъ, жили у него до самой весны слѣдующаго года; а другимъ, по настоятельной его просьбѣ, полковымъ начальствомъ были отведены кой-какія помѣщенія рядомъ съ ихъ спасителемъ, и добрый командиръ полка—генералъ Шеншинъ, видя истинно-христіанское стараніе о. Василія успокоить несчастныхъ страдальцевъ, помогалъ ему, сколько могъ, въ ихъ содержаніи.—Великъ былъ подвигъ покойнаго, много трудовъ и хлопотъ онъ стоилъ ему; зато не мала была и награда ему отъ Императора Александра Благословеннаго. «За похвальный поступокъ во время наводненія», какъ значится въ послужномъ спискѣ о. Василія, кромѣ выдачи ему, не въ зачетъ, полнаго годоваго содержанія, онъ пожалованъ золотымъ финифтянымъ съ алмазами крестомъ. Это былъ первый примѣръ такой награды священнику: до него изъ бѣлаго духовенства подобные кресты давались только однимъ оберъ-священникамъ.

Спустя годъ, для о. Василія Яковлевича наступило новое испытаніе. Это было 14 декабря 1825 г., на другой день послѣ храмоваго праздника въ финляндскомъ полку¹.

Проводя вечеръ 12-го декабря въ кругу семейства и близкихъ знакомыхъ, навѣстившихъ о. Василія, какъ праздничнаго, онъ успѣлъ отъ нихъ узнать кое-что объ обстоятельствахъ пе-

¹ Манифестомъ Импер. Александра I, отъ 16 ноября 1806 г., изъ государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, и преимущественно—финновъ, гатчинскихъ, ораниенбаумскихъ, красносельскихъ и стрѣльнинскихъ, предположено образовать „земское войско“ и сформировать баталіонъ Императорской милиціи. Баталіонъ сформированъ 12 декабря. Это и послужило причиною того, что престольный праздникъ Л. Г. Финляндскаго полка, образовавшагося вскорѣ изъ первоначальнаго баталіона милиціи, бываетъ 12 декабря, въ день св. Спиридона тримифунтскаго чудотворца (см. Истор. Л. Г. Финл. п., Марина кн. 1, стр. 4). Но какъ этотъ день былъ днемъ рожденія Государя Императора, то полкъ храмовой праздникъ свой переносилъ на слѣдующій день—13 декабря, такъ какъ 12 было при дворцѣ торжество. Тотъ же порядокъ соблюдался и въ царствованіе Импер. Николая I, потому что день рожденія Императ. Александра I сдѣлался днемъ его памяти. Со времени возшествія на престолъ Импер. Александра II, съ перенесеніемъ дня памяти Александра Благословеннаго въ указанные дни общихъ поминовеній Высочайшихъ Особъ, полковой праздникъ финляндцевъ совершается 12 декабря.

ремѣны отечественнаго престолонаслѣдія. Рано утромъ 14 числа онъ былъ приглашенъ къ полковому командиру, который и объявилъ ему о предстоящемъ приводѣ людей полка къ присягѣ на вѣрнопопданничество Николаю I. Зная говоръ между ними въ пользу бывшего ихъ шефа—В. кн. Константина Павловича, въ вѣрности которому они уже давали священное цѣлованіе креста и евангелія, покойный о. Василій убѣдительно просилъ командира своего полка быть съ людьми возможно осмотрительнымъ. Отданъ приказъ, и финляндцы выстроились на площадкѣ передъ своимъ полковымъ храмомъ, а о. Василій Яковлевичъ сряду же вынесъ изъ храма животворящій крестъ и евангеліе на приготовленный аналой. Все кончилось благополучно: полкъ присягнулъ на вѣрность новому Императору. Не было при этомъ только одной роты, бывшей въ караулѣ на Исакиевскомъ мосту—подъ командою своего командира Р. Послали и за ней. Но командиръ ея, придерживавшійся стороны желавшихъ новаго порядка вещей, успѣлъ поселить въ своихъ людяхъ духъ противленія, и рота его не слушала приказаній высшаго начальства. Бросились за о. Василиемъ Яковлевичемъ. «Дѣти!» закричалъ онъ, прибывъ на мостъ,—«васъ обманываютъ; за мной,—на бѣду васъ не поведу»... Появленіе любимаго пастыря и эти простодушныя слова его дали дѣлу совершенно иной оборотъ; финляндцы оставили командира и примкнули къ своему духовному отцу. Овладевъ людьми, о. Василій Яковлевичъ направилъ ихъ въ полковой манежъ, и адѣсь объяснивъ имъ дѣло, привелъ ихъ къ присягѣ. Это все происходило въ минуты кровавой драмы по ту сторону Невы—на дворцовой, Исакиевской и Сепатской площадяхъ столицы, въ которой драмѣ такъ сильно хотѣлось принять дѣятельное участіе и упомянутому ротному командиру. Стало вечерять. Офицерамъ полка отданъ приказъ, чтобы финляндцы были расположены по Васильевскому острову бивуакомъ, съ разложенными огнями. Изъ всего было видно, что минуты переживались самыя грозныя. Корпусный командиръ Б., представляя себѣ всю важность этихъ минутъ, а съ другой стороны—зная и видя вліяніе о. Василія

Яковлевича на финляндцевъ, послалъ за нимъ и просилъ его ходить ночью по бивуачному расположенію полка, стараясь всѣми силами пастырскаго слова удерживать народъ въ границахъ благоповеденія. Движимый чувствомъ состраданія къ своимъ бѣднымъ дѣтямъ, которые, по своему неразумію и настроенію недобрыхъ людей, могли надѣлать много бѣдъ и себѣ и другимъ, а съ другой стороны,—хорошо понимая обязанность пастыря добраго, о. Василій до самаго утра слѣдующаго дня ходилъ отъ одного бивуачнаго огня къ другому, около которыхъ группировались часто шумными толпами его финляндцы, разъяснялъ имъ сущность дѣла и требовалъ отъ нихъ спокойствія, безпрекословнаго повиновенія начальству и вѣрности послѣднимъ клятвеннымъ своимъ обѣщаніямъ. Являясь всюду въ эти грозныя минуты общаго недоумѣнія ангеломъ - вразумителемъ, онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что люди полка, послѣ упомянутаго недоразумѣнія, не сдѣлали ни малѣйшей ошибки.

Въ памяти о. Василія живо сохранились самыя мелкія подробности этихъ ужасныхъ дня и ночи. А вѣдь страшное то было время? спрашивали мы старца, когда однажды онъ пробѣгалъ его своимъ воспоминаніемъ.—«Да, братъ», проговорилъ онъ въ отвѣтъ, — «многіе изъ моихъ сослужакъ, сколько помню, тутъ прятались по щелямъ, словно тараканы отъ холода. Что же до меня, то мнѣ нечего было бояться: любилъ я отъ всей души своихъ финляндцевъ,—любили, спасибо имъ, и они меня. Оттого, когда бѣжалъ я на мостъ, чтобы вернуть ихъ, былъ вполне увѣренъ, что они не рѣшатся обидѣть меня непослушаніемъ,—о дерзостяхъ и не говорю».

За этотъ поступокъ и во уваженіе трудовъ по должности законоучителя въ домѣ Трудолюбія ¹, въ январѣ 1826 г. покойный о. Василій Яковлевичъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст.; въ слѣдующемъ 1827 г. Государынею Императрицею Александрою Теодоровною пожалованъ золотыми часами; въ 1828 г. апрѣля 8 возведенъ въ санъ протоіерея; а 11 января

¹ Нынѣ Елисаветинское патріотическое училище.

1830 года, по Высочайшему повелѣнію, опредѣленъ настоятелемъ Преображенскаго всей гвардіи собора ¹.

13 іюля 1832 года о. Василій награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст.; въ 1839 г. орденомъ св. Владиміра 4 ст., и 30 іюня того же года былъ командированъ къ селу Бородину для торжественнаго молебствія по случаю открытія Бородинскаго памятника. При назначеніи въ командировку, въ награду отлично усердной службы, ему пожаловано 405 р. ассигн. Въ Бородинѣ покойный находился при главной квартирѣ Государя Императора.

24 декабря 1840 года возложена на о. Василия палица; въ томъ же 1840 и 1843 годахъ былъ награжденъ единовременными денежными ему выдачами; въ 1844 г.—орденомъ св. Анны 2 ст., Императорскою короною украшеннымъ; въ 1848 г.—орденомъ св. Владиміра 3 ст.; въ 1849 году, опредѣленъ благочиннымъ всего гвардейскаго духовенства и церквей ²; въ декабрѣ 1853 г. Всемиловѣйше пожалованъ золотымъ крестомъ, украшеннымъ драгоценными камнями; въ августѣ 1856 г., по случаю священнаго коронованія Государя Императора, награжденъ драгоценнымъ брилліантовымъ крестомъ; тутъ же ему выданы были крестъ и медаль въ память Крымской войны, а въ 1859 году, за отлично усердную службу, объявлено покойному Высочайшее благоволеніе.

14 ноября 1861 года была годовщина ровно полувѣковой его службы престолу и Церкви въ санѣ священника. Пользуясь этимъ случаемъ, сослуживцы о. Василия и полковая его паства, другъ передъ другомъ, спѣшили заведѣть юбилару свое глубокое къ нему уваженіе ³. Не былъ забытъ онъ въ

¹ Высочайшимъ приказомъ 12 ноября 1796 года, т. е., менѣе нежели чрезъ недѣлю по воцареніи Императора Павла I, было повелѣно: „Преображенская церковь учреждается соборомъ всей гвардіи“. Но настоятельства, съ его преимуществомъ въ раздѣлѣ братскаго содержанія, до Василия Яковлевича при соборѣ не было. ² До него благочинныхъ въ гвардейскомъ вѣдомствѣ не было.

Наблюдая въ точности свою очередь, 14 ноября, которое и теперь приходится въ тотъ же вторникъ, какъ и въ 1811 году, маситый старецъ отправился въ соборъ, чтобы вознести Царю славы жертву хвалы и благотворенія за всѣ

этотъ день и Монаршею милостію Государя Императора: согласно удостоенію св. Синода, изъ кабинета Его Величества о. Василию Яковлевичу пожалована митра.

Въ 1862 г. онъ пожалованъ денежною наградою; въ 1866 г., по преклонности лѣтъ и разстроенному здоровью, испросилъ себѣ увольненіе отъ должности благочиннаго; а 10 августа тогоже года, по Высочайшему повелѣнію, разрѣшено производить ему добавочное содержаніе по 800 р. въ годъ. Эту послѣднюю милость, безпримѣрную по ея значительности, въ два раза превышавшую его полковое содержаніе, старецъ принималъ съ глубочайшею признательностію къ виновникамъ ея.

Мы кончили послушной списокъ покойнаго. Длинень онъ и, можетъ быть, скученъ отъ пестроты годовъ и чиселъ. Много милостей Господь послалъ почившему о. Василию,—потому что и онъ самъ былъ очень милостивъ къ другимъ. День смерти его открылъ, что онъ нѣсколько безпріютныхъ семействъ содержалъ квартирами и столомъ. Очень можетъ быть, что въ этомъ добромъ, истинно-христіанскомъ дѣлѣ человѣколюбія ему помогали болѣе достаточные изъ духовныхъ дѣтей его, но тѣмъ

Его милостя небесная, излитая на него въ продолженіи пятидесятилѣтняго его священнослуженія. Лишь только вступилъ юбиларъ въ церковь,—братія соборная, уже ждавшая его тутъ, поднесла ему икону Преображенія Господня, прося его принять этотъ даръ въ память глубокаго ихъ уваженія къ его заслугамъ. По окончаніи божественной литургіи и благодарственного молебна, ктиторъ собора—графъ Вл. П. Клейнмихель, сопровождаемый всѣми—гг. офицерами полка, присутствовавшими при совершеніи литургіи и молебна, поднесъ виновнику торжества просфору, вложенную въ серебряный вызолоченный матомъ ковчегъ, имѣющій форму настоящей просфоры, съ изображеніемъ *посѣщенія Божіею Матерію пресподобнаго Сергія*, во имя которой устроенъ въ соборѣ придѣлъ, и надпись: „Василію Яковлевичу Сицилинскому, отъ полковой паствы“. При вступленіи юбилара, съ иконою въ рукахъ, въ квартиру, пѣвчими было пропѣто *входное достойно*. Около 3 часовъ по полудни посѣтилъ его духовникъ И. И. В. протопресвитеръ В. Б. Бажановъ. Въ это же время прибылъ къ о. Василию Яковлевичу командиръ Преображенскаго полка, князь А. И. Барятинскій, и въ сопровожденіи штабъ и оберъ-офицеровъ своего полка, поднесъ ему серебряную, подъ чернью, табакерку, съ изображеніемъ на лицевой ея доскѣ, вызолоченной матомъ, вида Преображенскаго собора; по бокамъ — *вензель* юбилара, украшенный розами, и затѣмъ годы—1811 и 1861. На внутренней сторонѣ лицевой доскѣ табакерки вырѣзана надпись: „Василію Яковлевичу Сицилинскому, офицеры Преображенскаго полка“.

не менѣе вѣрно то, что онъ столько дѣлалъ добра вокругъ себя, сколько это было для него возможно. Лишь только замѣчалъ онъ честность и доброе усердіе къ своему дѣлу какогонибудь церковника (изъ нижнихъ чиновъ полка), тотчасъ же принимался поддерживать его въ такомъ настроеніи и укрѣплять, дѣлая ему вспоможенія изъ церковныхъ суммъ, или ходатайствуя предъ полковымъ начальствомъ о повышеніяхъ. Не довѣряя ихъ умѣнью распорядиться лишнею копѣйкою, онъ изъ этихъ вспоможеній своихъ завелъ выдавать имъ только часть, а другую вносилъ въ сберегательную кассу банка. Такія же книжки онъ взялъ и для тѣхъ церковниковъ, которымъ не дѣлалъ подобныхъ наградъ, заставляя ихъ удѣлять ему какую-либо часть изъ своего жалованья, или изъ того дохода, какой имѣлся у нихъ по церкви. И случалось, что, при безсрочномъ отпускѣ или отставкѣ, у нихъ скоплялось такимъ образомъ рублей 500, и даже больше. Надо было видѣть, съ какимъ благодарнымъ сердечнымъ чувствомъ тогда они благословляли виновника своего счастья! Пытался-было о. Василій тоже ввести и между псаломщиками собора, но, встрѣтивъ съ ихъ стороны ропотъ, — оставилъ.

Горькія нужды ближнихъ всегда болѣзненно дѣйствовали на доброе сердце о. Василія; при видѣ слезъ ближняго, онъ заливался и самъ горькими слезами. Особенно любилъ онъ помочь инвалиду-финляндцу: къ нимъ сердце старца лежало особенно близко. Онъ цѣловался съ этими бѣдняками, какъ съ близкими родными, когда они посѣщали его, просилъ въ гостинную или свой кабинетъ, и здѣсь разспросамъ про ихъ житье-бытье у него и конца не было. Засимъ, щедро одѣливши гостя, онъ провожалъ его до самыхъ дверей своей квартиры, благословляя въ дорогу самыми сердечными отеческими благожеланіями.

Впрочемъ, щедродательная рука его была извѣстна не однимъ инвалидамъ-финляндцамъ. Въ бумагахъ покойнаго немалое количество осталось писемъ въ такомъ родѣ: «В. В-іе! Припадаю къ стопамъ вашимъ со всенижайшею просьбою. Службу продолжалъ въ Преображенскомъ полку, въ теченіи оной находился въ походахъ

въ 1812 г., въ турецкую и польскую компаніяхъ. Нынѣ нахожусь въ отставкѣ, имѣю преклонныя лѣта — 74, и слабое здоровье при бѣдномъ моемъ положеніи, обремененный семействомъ, и нахожусь въ бѣднѣйшемъ положеніи, терплю крайнюю бѣдность. Умоляю В. В., и осмѣливаюсь просить вашего милостиваго и отеческаго вспоможенія. За что я буду молиться Всевышнему Творцу о вашемъ здоровьѣ и долгоденствіи». За симъ слѣдуетъ подпись: «всенижайшій отставной прапорщикъ» такой-то, и адресъ просителя. Или, напр., въ родѣ такихъ: «Благословенная особа! Позвольте мнѣ страждущей поздравить васъ съ торжественнымъ праздникомъ Рождества Христова, и при этомъ пожелать вамъ.... и т. д.—Я очень бѣдная, безъ пропитанія, безъ куска хлѣба, больная съ младенчества, безъ всякихъ средствъ. Прошу васъ, помогите мнѣ вашимъ обычнымъ для насъ пособіемъ. Богъ утѣшитъ васъ за это и здѣсь, и тамъ». Слѣдуетъ адресъ и подпись: «дочь маіора» такая-то.

Любовь къ ближнимъ не была въ душѣ покойнаго чувствомъ временнымъ, развившимся въ немъ только подъ старость, когда онъ сталъ постоянно думать о жизни загробной,—нѣтъ, участь страждущаго всегда до глубины души трогала его, на каждого изъ нихъ онъ смотрѣлъ съ удивительнымъ состраданіемъ, живо сочувствовалъ болѣзнямъ ихъ сердца и сряду же принимался помогать, утѣшать, поддерживать, ободрять страдальца. Вотъ, напримѣръ, письмо его къ протопресвитеру Н. В. Музовскому, писанное имъ своеручно, отъ 27 октября 1832 г., по дѣлу о протодіаконѣ Преображенскаго собора П-мъ. По этому письму можно судить о настроеніи любвеобильной души покойнаго еще въ тѣ годы. «Будучи движимъ», пишетъ онъ, «во всѣхъ дѣлахъ своихъ страхомъ Божиимъ и христіанскою любовію къ ближнимъ моимъ, я всю жизнь свою старался располагать такъ, чтобы всегда и во всемъ видна была слава всеблагаго и всемогущаго Бога. Съ симъ единственнымъ намѣреніемъ я осмѣливаюсь и теперь утруждать особу В. В-бія моею покорнѣйшею и всеусерднѣйшею прось-

бою. Протодіаконъ П. П-скій, не смотря на всѣ его оскорбленія мнѣ и моей братіи соборной, не причинившимъ ему рѣшительно никакого худа, обиды или зла, составляетъ первый предметъ настоящихъ моихъ заботъ. Его чрезвычайная бѣдность, многочисленное семейство, которое необходимо поддерживать, его двадцатисемилѣтняя служба церкви въ санѣ діаконства и, наконецъ, его просьба неотступная, заставили меня ходатайствовать предъ В. В-біемъ объ испрошеніи ему отъ щедротъ милостиваго Монарха возможнаго пособія—какъ въ увеличеніе скуднаго его пенсіона, слишкомъ ничтожнаго для того, чтобы ему поднять свое семейство, такъ и въ помощь женитьбы старшаго сына его И. П-скаго, окончившаго богословскій курсъ, и нынѣ, по распоряженію вашему, назначеннаго священникомъ въ полкъ генералиссимуса Суворова. В. В-біе! Простите мнѣ я знаю, что прошу отъ васъ больше, чѣмъ труднаго; но прошу потому, что вижу вопіющую нужду протодіакона П-скаго,—она, эта нужда того требуетъ отъ меня». Отвѣтъ протопревитера, отдававшаго всю справедливость высокой душѣ просителя, писанный на оборотной страницѣ письма, былъ причиною того, что письмо о. Василия Яковлевича пришло къ нему обратно и сохранилось до насъ.

Замѣчательная любовь о. Василия Яковлевича къ ближнимъ, бывшая, можно сказать, руководительнымъ началомъ его жизни и пастырскаго дѣйствованія, не ограничивалась дѣланіемъ добра только въ случаѣ мелкихъ встрѣчъ житейской нужды. Это была не тлѣющая въ тѣлѣ искра, которая бы то угасала, то вспыхивала при дуновеніи счастливаго вѣтра, нѣтъ—это было пламя, которое сильно и долго могло бы бороться, если бы обстоятельства жизни пришлось сложиться къ его погашенію. И вотъ фактъ, убѣдительно подтверждающій справедливость нашихъ словъ. Лишь только поднялся о. Василій нѣсколько выше уровня собратіи своей—священниковъ, его взоры прежде всего обращены были на стѣсненное состояніе вдовъ и сиротъ гвардейскаго вѣдомства, въ какомъ находились онѣ послѣ смерти своихъ мужей и отцевъ. Относясь сочувственно ко всякому

горю и нуждѣ, могъ ли онъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на нуждѣ и горѣ присныхъ ему? И въ душѣ его возникла мысль, которая скоро перешла въ пламенное желаніе, во что бы то ни стало, помочь этому горю. Съ этою цѣлію онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія, сколько суммъ хранится въ церквахъ его вѣдомства. Собравъ эти свѣдѣнія, онъ усидчиво принялся высчитывать: какую бы часть было возможно взять изъ этихъ суммъ, съ платою какихъ процентовъ и на какой срокъ—для устройства богадѣльни, для которой, готовъ былъ уступить свое соборное мѣсто, склонилъ болѣе достаточныхъ лицъ изъ духовныхъ дѣтей своихъ къ пожертвованіямъ, поручилъ своему сыну инженеръ-поручику составить планъ для зданія, и, заручившись такою подготовкою къ дѣлу, сряду же вступилъ въ переписку съ протопресвитеромъ Н. В. Музовскимъ. Вотъ его первое писаніе по этому дѣлу, бѣгло набросанное на клочкѣ бумаги и уцѣлѣвшее доселѣ. «Всматриваясь», говоритъ покойный, «въ положеніе вдовъ и сиротъ гвардейскаго духовенства, вѣреннаго попеченію вашего высокопреподобія, я не могу безъ ужаса и представить себѣ той бѣдности и убожества, въ которомъ, при крайней скудныхъ пенсіонахъ, находятся онѣ послѣ смерти своихъ мужей и отцовъ. Вдовы и сироты епархіальнаго духовенства хоть и не пользуются пенсіонами отъ короны, за то имѣютъ вѣрное пособіе изъ своего попечительства, а главное — непремѣнный пріютъ съ отопленіемъ, если не при той же церкви, гдѣ служилъ покойный мужъ или отецъ, то или при кладбищенскихъ церквахъ, или при другихъ, болѣе достаточныхъ помѣщеніями. А имѣть пріютъ составляетъ главную потребность въ столичной жизни. Этой-то необходимѣйшей потребности вдовы и сироты нашего вѣдомства, къ несчастію, не имѣютъ. Пусть бы даже пенсіоны ихъ были въ два раза больше, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, то и въ такомъ случаѣ, при столичной дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, они едва ли были бы достаточны для того, чтобы только имѣть самыя первыя насущныя потребности стола и одежды; о квартирѣ же тутъ и думать нельзя. Отъ этого, сколько вижу

я, сіи несчастныя бывають вынуждены наниматься въ услуженіе, приниматься за отправленіе такихъ должностей, которыя никакъ неприличны нашему званію, и даже—вступать въ дома разврата. Ревную поревновахъ о сродныхъ мнѣ по званію,—я давно и постоянно думалъ и думаю о средствахъ огражденія сихъ несчастныхъ отъ вопіющей нужды ихъ со стороны помѣщенія. Средства эти я имѣю, и, если не вдругъ, то по времени, при Божіей помощи и содѣйствіи благотворителей, надѣюсь быть столько счастливымъ, что выстрою каменное зданіе для пріюта въ немъ вдовъ и сиротъ гвардейскаго духовенства. Мнѣ необходимо только нѣкоторое содѣйствіе вашего высокопреподобія, безъ котораго я не могу приступить къ дѣлу, о которомъ содѣйствіи и осмѣливаюсь утруждать особу вашего высокопреподобія. Оно состоитъ въ испрошеніи у Государя Императора церковнаго нашего мѣста, что подъ садомъ моимъ и покойнаго сакелларія Александрова, которое, если не скоро, то по времени, какъ предвижу я, непременно будетъ застроено для доходовъ въ полковую пользу, а при счастливомъ случаѣ—и совсѣмъ отчуждится отъ собора. Тогда и церковь потеряетъ, и мы лишимся достаточнаго и пригоднаго для предполагаемой цѣли мѣста». Однако покойный Н. В. Музовской, за дряхлостію лѣтъ, уклонился отъ хлопотъ, предоставивъ честь этого дѣла своему преемнику, который и выстроилъ богадѣльню самъ, и притомъ на мѣстѣ, болѣе удобномъ, чѣмъ то, которое предлагалъ о. Василій. Такимъ образомъ настойчивый трудъ его увѣнчался успѣхомъ: вдовы и сироты гвардейскаго духовенства обезпечены со стороны помѣщенія. Они благодарятъ за то, можетъ быть, не о. Василія Яковлевича; но справедливость требуетъ сказать, что инициатива сего благодѣянія принадлежитъ ему.

Много покойный о. Василій заботился объ украшеніи своего собора, для благолѣпія котораго онъ трудился, не зная усталы, и сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать для него. Самою большею частію своего дивнаго благоукрашенія соборъ обязанъ трудамъ почившаго настоятеля, который своею честностію

и неподдѣльнымъ благочестіемъ умѣлъ расположить достаточнѣйшихъ изъ духовныхъ дѣтей своихъ открыть ему свои капиталы, изъ которыхъ потомъ и бралъ онъ для собора собственной рукой,—сколько могъ, и сколько хотѣлъ. Намъ бы и не кончить своей рѣчи, если бы мы захотѣли перечислить въ подробности всѣ пріобрѣтенія покойнаго для собора. Поэтому мы укажемъ только на имена жертвователей—прихожанъ и духовныхъ дѣтей о. Василія. Первое и самое видное тутъ мѣсто принадлежитъ кунцамъ Смирновымъ¹. Имъ, ихъ глубокому уваженію къ покойнику о. Василю, соборъ обязанъ всѣми наиболѣе крупными своими цѣнностями². За именемъ Смирновыхъ слѣдуютъ имена купцовъ Васильева и Ѳедорова³. За сими слѣдуетъ имя купца Лѣсникова, пожертвовавшего въ соборъ плащаницу, шитую по рисунку сына о. Василія и стоящую 3,600 руб. сер. За Лѣсниковымъ слѣдуютъ имена: Сакуровой, Агѣева, Мясникова, Долгина и Попова, Апайщиковой, Обрѣзковой, Стречкова и Захватаева, Притвицъ, Истомина, Верховцева, Пантюхина. Кромѣ многочисленныхъ приношеній упомянутыхъ

¹ Двоюродные родственники Иванъ Ивановичъ и Матрона Семеновна.

² Ихъ близость къ собору начинается съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ 1814 году ими пожертвовано сюда двѣ иконы Спасителя и Божіей Матери въ серебр. ризахъ—вѣсомъ обѣ 40 фунт. 38 зол.; въ томъ же году—еще двѣ таковыя же иконы, въ серебр. ризахъ съ вѣнцами изъ аквамариновъ—вѣсомъ обѣ 37 фунт. 56 зол. Но особенно много Матр. Семеновна жертвовала въ соборъ въ послѣднее время жизни о. Василія. Такъ, въ 1859 г. въ главномъ алтарѣ собора она соорудила серебрянный, съ брилліантовыми украшеніями, престолъ, цѣнный въ 20,000 р. с.; въ 1862 г. пожертвовала напребстошный крестъ—въ 400 р. с.; въ 1865 г. плащаницу, въ 5,500 р. с.; въ 1866 г., для увеличенія большаго разбившагося колокола, пожертвовала до 12,000 р. с.; въ томъ же году къ запрестольному образу въ придѣлѣ препод. Сергія радонежскаго устроила дорогой иконостасъ и пожертвовала большую серебряную вызолоченую лампаду въ 550 р. с., въ 1867 г., въ этотъ же придѣлъ пожертвовала хоругви, шитыя золотомъ, цѣною 7,500 р. с.; аналойный большаго размѣра образъ Воскресенія Христова, въ бронзовой вызолоченой рамѣ, стоящій до 300 р. с.,—и много въ соборѣ еще жертвъ отъ Смирновыхъ.

³ Имъ принадлежитъ украшеніе, въ 1845 году, имѣвшагося въ соборѣ Евангелія большаго формата—серебрянными вызолоченными досками и уборкою ихъ изъ брилліантовъ, розъ и рубиновъ. Евангеліе тисненія 1752 г., стоимость украшеній его—18,000 р. с. Кромѣ того купцомъ Ѳедоровымъ, по предложенію о. Василія Яковлевича, еще тогда носившаго въ своемъ сердцѣ мысль о позолотѣ куполовъ собора, на таковой предметъ внесено 15,000 р. с. деньгами.

лицъ, жертвовавшихъ въ соборъ большею частію по глубокому уваженію къ покойнику о. настоятелю его, въ соборѣ много имѣется весьма цѣнныхъ пріобрѣтеній о. Василия, значущихся подъ общимъ именемъ—«отъ доброхотныхъ дателей». Его любовь къ своему собору такъ велика была, что онъ, часто бывало, задумавши что либо сдѣлать въ соборъ, открывалъ подписку въ кругу своего семейства и даже прислуги, приглашая сносить къ нему ненужныя вещи серебряныя, или сломки такихъ вещей. Частію на суммы жертвователей, а частію на церковную, имъ устроены—дорогой ковчегъ на престолѣ главнаго алтаря, два седмисвѣчника литые серебряныя ¹; ковровъ и сукна пріобрѣтено на сумму до 2,000 р. с.; въ 1855 и 1857 годахъ построено двѣ смѣны облаченій для полнаго архіерейскаго служенія; на наружной стѣнѣ главнаго алтаря устроенъ большой образъ Преображенія Господня, писанный на мѣди, съ лѣпнымъ украшеніемъ вокругъ, зеркальнымъ стекломъ и бронзовою лампадою ². И наконецъ онъ два раза принимался за капитальное поновленіе всей внутренности собора: первое, стоявшее до 30,000 р. с., производилось въ 50 годахъ—къ годовщинѣ столѣтія собора ³, а второе, стоявшее до 20,000 р. с. и производившееся частію на суммы собора, частію на сумму отъ полка, и весьма значительною частію отъ церковнаго старосты купца Д. Ив. Сильверстова, было въ 1865 году ⁴.

¹ Всѣхъ ихъ 1 пудъ 4 фунт. и 1 зол.; а стоимость 3,000 р. с. Дѣланы по рисунку вице-президента академіи художествъ, графа Толстаго.

² Стоимость образа съ лампадою 1,500 р. с.

³ „Церковь Преображенія Господня, л. гвардіи въ Преображенскомъ полку, каменная, заложена 9 іюня 1743 года, освящена 5 августа 1754 года“ (см. истор. новаго города С. Петербурга, Богданова, 1779 г., стр. 320). Но однимъ, соборъ строилъ Трезинъ, прибывшій въ Россію еще при Петрѣ I, а по другимъ (напр. Реймерса, см. его истор. Сиб., ч. I, стр. 248)—знаменитый графъ Растрелли (соорудитель Зимняго дворца и собора всѣхъ учебныхъ заведеній). Соглашая такое разнорѣчіе, можно думать, что первый началъ, а второй кончилъ постройку собора, такъ какъ извѣстно, что Трезинъ умеръ раньше Растрелли.

⁴ Заботясь о благолѣпіи собора, въ тоже время покойный о. Василій не забывалъ и быта своей братіи соборной. Въ 40-хъ годахъ, преодолевая безчисленныя препятствія со стороны средствъ и внимательства полковаго начальства, вмѣсто ветхаго деревяннаго церковнаго дома, онъ выстроилъ трехъэтажный каменный, въ которомъ и размѣстились священно и церковнослужители собора, болѣе

Къ трудамъ о. Василія Яковлевича въ дѣлѣ благоуукрашенія собора не примѣшивалась какая нибудь расчетливость житейская, тщеславіе или самоуслажденіе, — нѣтъ, это былъ зрѣлый плодъ глубочайшаго благоговѣнія его предъ славою Всевышняго. Онъ не трубилъ о нихъ, и когда ему доводилось выслушивать непритворное удивленіе имъ другихъ, то онъ какъ будто совершенно не видѣлъ своей ревности. «Богъ положилъ на сердце добрыхъ людей», обычнымъ отвѣтомъ его было въ подобныхъ случаяхъ, — «вотъ и устроилось все само собою; что же тутъ я-то? Ровно ничего». Не потому онъ благоукрашалъ соборъ свой, что настоятельствовалъ въ немъ, а потому, что до плоти и костей былъ проникнутъ живою и дѣйственною мыслию, что дому Божію прилично благолѣпіе. Это испытывали и знаютъ многіе отдаленные, намъ невѣдомые, сельскіе храмы. Приобрѣтая у себя что нибудь новое — евангеліе, крестъ, сосуды, облаченіе и т. д., — прежнее, остававшееся лишнимъ въ соборѣ, онъ никогда не уничтожалъ иначе, какъ отсылая куда нибудь въ бѣдную сельскую церковь, гдѣ все это сейчасъ же, разумѣется, принималось съ глубокою благодарностію и занимало лучшее мѣсто въ ряду тамошняго имущества церковнаго. И между бумагами покойнаго сохранилось множество писемъ съ заявленіемъ ему благодарности отъ священнослужителей и прихожанъ сельскихъ церквей, которымъ благодетельствовалъ о. Василій. Но особенно много онъ сдѣлалъ для Сергіевской церкви села Вирги, пензенской губерніи, Нижеломовскаго уѣзда, гдѣ погребены старшіе его дочь и сынъ. Въ бытность у зятя своего, помѣщика того села, онъ видѣлъ то жалкое состояніе, въ какомъ находилась церковь, и поднялъ ее изъ ея убожества.

Нося постоянно въ своемъ сердцѣ слова Писанія: *проклятъ человекъ, творящій дѣло Господне съ небреженіемъ* (Іер. 48, 10), — службу Божію о. Василій совершалъ съ полнымъ благоговѣніемъ. Не допуская самъ ни малѣйшихъ сокращеній противъ устава цер-

чѣмъ удобно. Засимъ, при его поступленіи въ соборъ, тутъ не было никакихъ процентныхъ денегъ въ пользу причта; — хотя не много, но пополнялъ онъ и этотъ пробѣлъ приходскаго содержанія соборныхъ.

ковнаго, или торопливости, онъ настойчиво требовалъ того же и отъ своей братіи—сослуживцевъ.

Не относился покойный о. Василій Яковлевичъ апатично и къ жизни современной, такъ богатой крупными явленіями. Всякое заявленіе—газетъ ли то, или журнала—особенно духовнаго, онъ принималъ къ сердцу, скорбѣлъ о скорбномъ, и радовался, какъ дитя, заявленію радостному, пріятному. Онъ не принадлежалъ только старому времени и жилъ не одними воспоминаніями прошедшаго, какъ это бываетъ съ людьми его лѣтъ; но былъ человѣкомъ совершеннымъ—въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, такимъ, который внимательно слѣдилъ за біеніемъ пульсовъ текущаго времени, и сейчасъ же отзывался на нихъ не только словомъ, но и дѣломъ. Особенно чутко внималъ онъ запросамъ религіозно-нравственной отечественной жизни. Какъ теперь помнимъ: лишь только прочиталъ о. Василій воззваніе бывшаго архіепископа рижскаго о печальномъ положеніи храмовъ его епархіи и о потеряхъ отсюда въ интересахъ православія, тотчасъ же обошелъ свой соборъ, выбралъ изъ него, что только могъ, въ семействѣ своемъ открылъ подписку, побывалъ кой у кого изъ духовныхъ дѣтей своихъ, и затѣмъ свою лепту отослалъ къ преосвященному. Она такъ значительна была, что преосвященный Платонъ, по полученіи сего приношенія, счелъ необходимымъ быть лично у старца съ благодарностію, и, не заставъ его дома, счелъ за долгъ посѣтить его другой разъ.

Горячо сочувствуя дѣлу православія въ вѣковой борьбѣ его съ папскою крамолою въ Польшѣ, свѣтлымъ праздникомъ отмѣтилъ о. Василій тотъ день своей жизни, въ который вычиталъ, что правительство наконецъ, твердою ногою рѣшилось наступить на главу этой эхидны, и сейчасъ же принялся за свои обычные приношенія и сюда. При этомъ съ душевнымъ прискорбіемъ, бывало, воскрешалъ онъ въ своей памяти обстоятельства отказа польскимъ ксендзамъ, приславшимъ коллективное заявленіе св. Синоду о своемъ желаніи перейти въ православіе съ условіемъ сохраненія священства, удержанія за собою приходовъ и—не

премѣнной женитьбы. «Мы тогда еще», говорилъ онъ, «въ виду правильности ихъ рукоположенія, а съ другой стороны въ виду безчисленныхъ пользъ отсюда для православія, единодушно высказались за открытіе желающимъ любвеобильныхъ нѣдръ нашей матери Церкви; но высшее начальство наше почему-то все еще церемонилось съ римскимъ старикомъ,—и вотъ дѣло, кажется, приходитъ къ тому же само собою; только жаль жертвъ, какими мы покупаемъ свои убѣжденія ¹».....

Живая вѣра и глубокое благочестіе, которыми проникнута была высокая душа о. Василія, проявляясь во всѣхъ движеніяхъ его жизни и пастырскаго дѣйствованія, пріобрѣли ему широкую извѣстность въ ряду духовенства столицы и полное уваженіе со стороны прихожанъ. Полковая паства, начиная съ младшаго офицера и до старшаго, называя его «дѣдушкой», этимъ названіемъ характеризовала покойнаго какъ нельзя лучше; его слово для ней было закономъ ². И надобно замѣтить, что уваженіе, которымъ пользовался о. Василій, далеко не было задачею его жизни. Смотри на инья его дѣйствія, можно было думать, что онъ, если не совершенно, то очень мало заботился о немъ; но это уваженіе было удѣломъ о. Василія и слѣдовало за нимъ само собою, потому что свободно вытекало изъ его дѣлъ жизни. Искренность и теплота сердечная были отличительными качествами покойнаго. Онъ не любилъ притворства, лицемеріе презиралъ, уважалъ приличіе,—отъ лести отвращался. Съ особами высокостоящими онъ такъ же просто обращался, какъ и съ меньшей братіей. Такое настроеніе души его, обнаруживавшееся въ каждомъ его взглядѣ, въ каждомъ сло-

¹ Это было между 1840 и 1850 годами. Св. Синодъ, по полученіи сей просьбы, поручилъ преосвященному Іонѣ, бывшему экзарху Грузіи и жившему на покой въ Александроневской лаврѣ, собрать болѣе извѣстныхъ лицъ столичнаго духовенства, и узнать ихъ мнѣніе о семъ. Собравшіеся по приглашенію преосвященнаго — Г. П. Павскій, І. С. Кочетовъ, В. Я. Сицилинскій и многіе другіе, послѣ долгихъ разсужденій, высказались рѣшительно за принятіе просьбы всендзовъ; но въ высшихъ инстанціяхъ дѣло это поставилось иначе,—и просьба была отвергнута.

² Носится слухъ, что офицеры полка, въ знакъ глубокаго своего уваженія къ памяти достойнаго пастыря своего, намѣрены соорудить ему надгробный памятникъ.

вѣ, невольно располагало къ нему сердца ближнихъ: довольно было только разъ повстрѣчаться съ этимъ человѣкомъ, чтобы потомъ привязаться къ нему самымъ глубокимъ чувствомъ уваженія.

Въ жизни домашней, которая сдѣлалась извѣстною намъ съ 1858 года, о. Василій Яковлевичъ особенно отличался—чадолюбіемъ, самымъ теплымъ чувствомъ гостепріимства, и удивительнымъ постоянствомъ молитвы.

Семейство о. Василія состояло изъ пяти сыновей и трехъ дочерей. Всѣ они были уже взрослые, находясь или въ супружествѣ, или на службѣ. День рожденія, ангела и даже замужества или женитьбы ихъ онъ свято чтить, собирая всѣхъ бывшихъ около него на молебствіе, которое всегда совершалъ самъ. Четыре сына и старшая замужня дочь его померли, одинъ за другимъ, въ промежутокъ времени 1859—1864 годовъ. Дрогнуло чадолюбивое сердце старца Божія при видѣ такихъ ужасныхъ потерь, и близкіе къ нему стали серьезно бояться за него. Но, столько разъ испытанный въ терпѣніи, онъ скоро овладѣлъ собою, весь предался святому промыслу, и потери своего сердца перенесъ съ неподражаемою вротостію. «Господь далъ», обыкновенно говорилъ онъ, повторяя слова праведнаго Іова,—«Господь и отъялъ: буди во всемъ Его святая воля».... Одинъ изъ сыновей его оставилъ послѣ себя жену и восемь малолѣтнихъ дѣтей¹. Старецъ Божій взялъ сиротъ къ себѣ, привязался къ несчастнымъ всѣмъ сердцемъ своимъ, и отселъ всѣ его заботы, всѣ попеченія сосредоточились на нихъ. Другихъ вокругъ себя онъ какъ будто и не видѣлъ. Будущее бѣдныхъ малютокъ сильно беспокоило чадолюбивое сердце его: казалось, онъ не забывалъ о нихъ и въ то время, когда смежалъ очи свои для сна. Умилительную картину представлялъ его домъ, когда этотъ

¹ Инженеръ-поручикъ Николай Васильевичъ Сицилинскій. Старшей его дочери было только 13 л. Вторая дочь и сынъ уже приняты въ учебныя заведенія, а третья дочь зачислена—пансіонерами Высочайшихъ особъ. Командиръ л. г. Преображенскаго полка, князь А. И. Барятинскій, изъ уваженія къ памяти о. Василія, старался о размѣщеніи по заведеніямъ таковыми же пансіонерами и остальныхъ.

маститый, убѣленный годами, старецъ Божій выходилъ, бывало, утромъ въ столовую комнату и садился на свое любимое кресло (у окна противъ собора), а эти малютки цѣлой гурьбой обступали его для благословенія, когда каждаго изъ нихъ онъ медленно потрижды благословлялъ, цѣловалъ, когда они беззаботно за симъ разбѣгались къ своимъ забавамъ дѣтскимъ, а онъ долго—долго задумчиво, уныло провожалъ ихъ влажными отъ слезъ глазами. Случалось, что, въ минуты особеннаго расположенія, старецъ вмѣшивался въ ихъ игры, разбиралъ дѣтей между собою, судилъ и радилъ. Обиженнаго и всѣхъ, кромѣ обидчика, вель, бывало, къ себѣ въ кабинетъ, и тамъ щедро одѣлялъ сластями, которыя тутъ имѣлись про нихъ безвыводно. Бывало, желая сильнѣе подѣйствовать на дѣтски-впечатлительное сердце малютки, онъ не оставлялъ неодѣленнымъ и обидчика. Мѣры строгости любвеобильному сердцу его были совершенно незнакомы. Его чадолюбіе такъ широко было, что въ домѣ его рѣзвились, играли, получали награды и всѣ дѣти его прислуги. На имя каждаго изъ этихъ послѣднихъ у о. Василія была взята изъ дѣтской сберегательной кассы банка книжка, — въ которыя и вносились аккуратно шедшіе имъ отъ него праздничные подарки. А когда подрастали, то онъ опредѣлялъ ихъ по разнымъ мастерскимъ, отвозя сюда самъ, или отпуская послѣ молебнаго молитвословія.

Однажды къ нему явилась бѣдная вдова съ малюткою—сыномъ, лѣтъ девяти, и, горько жалуясь на свою бѣдность, умоляла о помощи. Къ просьбамъ матери присоединилъ свою мольбу и самъ малютка. Горькими слезами залился старецъ, видя непритворную бѣдность несчастныхъ, и хотѣлъ-было выдать имъ свою обычную помощь; но мать вынула изъ-запazuхи документы сына и стала просить о. Василія о помѣщеніи его куда-нибудь въ школу. «Хочешь ли ты учиться?» спросилъ онъ малютку.—Хочу! бойко отвѣтилъ тотъ. «Да будешь ли хорошо учиться?» снова спросилъ онъ его. Дѣтскій отвѣтъ былъ: да, буду. Тогда о. Василій, взявъ документы его, сряду же отправился къ главному начальнику пріютовъ чело-

вѣсколюбиваго общества, и убѣдительно просилъ о немедленномъ принятіи мальчика въ какую-либо изъ его школъ. Начальникъ, генералъ Т—въ, съ малолѣтства бывший духовнымъ сыномъ старца, изъявлялъ ему полную на то готовность свою, но пока не на казенное содержаніе, такъ какъ тогда въ школахъ его казенной вакансіи не было ни одной праздної. Вполнѣ полагаясь на обѣщаніе г. начальника, о. Василій отправился отъ него къ извѣстной намъ М. С. Смирновой, взялъ у ней денегъ, сколько нужно было для взноса въ Ивановскую школу малолѣтнихъ вѣсколюбиваго общества за годовое тутъ содержаніе мальчика, и въ тотъ же день, чрезъ псаломщика, вмѣстѣ съ документами отослалъ ихъ къ г. Т—ву. Спустя однако недѣлю, онъ получилъ деньги обратно при письмѣ о возможности помѣстить сироту на казенное содержаніе. Деньги были возвращены по принадлежности, а мальчикъ — сирота, послѣ молебна и отеческихъ наставленій, былъ отвезенъ добрымъ старцемъ въ означенный пріютъ.

Радущіе и вообще гостепріимство о. Василія Яковлевича могло сдѣлать честь временамъ самымъ отдаленнымъ, патриархальнымъ. Двери его дома были открыты всегда и для всѣхъ, для людей всякаго званія и состоянія. Но посѣщалъ ли его баринъ, вельможа, или бѣднякъ — инвалидъ, того и другаго онъ принималъ одинаково просто, ласково, радушно. Тутъ особенно сильно выступала впередъ простота высокой души покойнаго и поразительное обиліе, богатство его сердца. Въ пастырскихъ религіозныхъ бесѣдахъ своихъ съ посѣтителями, кто бы они ни были, равно какъ и въ домашнихъ — съ семействомъ, онъ никогда не вдавался въ теоретическія тонкости; но эти его бесѣды, отличаясь всегда строгостію и основательностію, обнаруживали въ немъ здравый разумъ, и сколько теплый, столько же и свѣтлый взглядъ на жизнь и вещи. Если ко всему этому мы прибавимъ, что совѣтовъ своихъ онъ никогда не давалъ безъ самаго глубокаго вниманія и самаго близкаго, сердечнаго сочувствія къ дѣлу; то будетъ понятно, почему такъ пріятно было провести нѣсколько часовъ съ этимъ почтеннымъ стар-

цемъ. Да, это былъ человѣкъ, который жилъ не однимъ холоднымъ умомъ: свѣтъ ума и теплота сердца—вотъ чѣмъ привлекалъ онъ къ себѣ людей.

Изъ всѣхъ комнатъ прекрасной квартиры своей о. Василій Яковлевичъ особенно любилъ двѣ — кабинетъ и столовую; въ другихъ онъ бывалъ только мимоходомъ, или по нуждѣ, когда являлся къ нему посѣтителъ. Но и въ первыхъ двухъ онъ бывалъ рассчитанно, такъ что, вступая въ домъ его, по времени дня, можно было заранѣе предугадать—гдѣ онъ, въ кабинетѣ или столовой. Бесѣдуя съ семействомъ только въ столовой, онъ самую большую часть дня проводилъ въ своемъ кабинетѣ. Что же тутъ дѣлалъ онъ? Чѣмъ занимался?—Занятій особенныхъ у него не было: текущія дѣла по благочинію, да разборы чертежей и смѣты подѣлкамъ въ соборѣ, вотъ и все почти, надъ чѣмъ сидѣлъ тутъ старецъ. Остальные же часы онъ проводилъ въ молитвѣ. Самая простота его кабинета ясно говорила, что онъ принадлежитъ человѣку молитвы. Большой уголь, уставленный иконами, среди которыхъ особенно рельефно выдавался образъ Спасителя ¹, письменный столъ съ фотографическими карточками семейства и любимыхъ особъ, скромная постель старца, да нѣсколько священныхъ изображеній—по стѣнамъ и скульптурныхъ, вотъ все убранство любимой комнаты о. Василія.

Съ упадкомъ силъ, лишившись возможности часто священнодѣйствовать въ соборѣ, эту потерю онъ восполнялъ домашнею молитвою, и въ тѣ часы, когда совершалась въ соборѣ служба, никто не видѣлъ старца внѣ кабинета: благовѣстъ въ соборѣ былъ всегда и для него призывнымъ гласомъ къ молитвѣ. Своеручно зажигалъ онъ изъ неугасаемой лампы двѣ восковыхъ свѣчи, раскрывалъ свой старинный молитвенникъ, всегда лежавшій предъ образами, и—погружался въ молитву, вычитывая по порядку акаѣисты Спасителю, Божіей

¹ Подлинникъ этого образа принадлежалъ адмиралу Сорокину, который дорожилъ имъ какъ величайшей святыней. Отъ него онъ перешелъ къ зятю его генералу Пустошкину, у котораго и бралъ о. Василій для снятія съ него копій. Копію писалъ худ. Чуяковъ.

Матери, каноны животворящему Кресту, Ангелу хранителю и т. д. Въ эти минуты онъ совершенно отрѣшался отъ міра и жизни, и входить къ нему было бесполезно: онъ не оборачивался, кто бы ни пришелъ, и какъ бы ни нуждались въ немъ. Въ послѣдніе годы, когда силы его быстро стали упадать, онъ почти совершенно заперся въ своемъ кабинетѣ, выходя къ семейству только разъ, и много — два, въ продолженіи всего дня. Когда же и ноги измѣнили ему, онъ молился сидя въ креслѣ. По всему было видно, что старецъ Божій куда-то торопился.

Время съ каждымъ днемъ приближало его къ вѣчному покою. Среди великаго поста 1867 г., мы посѣтили покойнаго и провели съ нимъ нѣсколько часовъ въ его кабинетѣ. «Заходи, другъ», проговорилъ старецъ, отпуская насъ, — «мнѣ ужъ недолго и до смерти»... Дѣйствительно, до смерти его оставалось нѣсколько недѣль.

Въ день Благовѣщенія, 25 марта, о. Василиій совершалъ божественную литургію; а послѣдній его выходъ въ любимый соборъ былъ въ великій пятокъ. Собравъ старческія силы свои, онъ служилъ въ этотъ день вечерню, дѣлалъ выносъ плащаницы, и домой пришелъ въ совершенномъ изнеможеніи. У службы въ свѣтлый праздникъ Христова воскресенія онъ уже не могъ быть; но ударъ колокола, въ 12 часовъ ночи, былъ и для него обычнымъ призывомъ къ молитвѣ: онъ утѣлся въ свое кресло, раскрылъ и сталъ читать молитвенную книгу. Лишь только раздался трезвонъ крестнаго хода вокругъ собора, онъ просилъ подвести его къ окну въ залѣ. Горячими слезами залился старецъ, когда показалось торжественное шествіе. Въ многолѣтней жизни его это былъ едвали не первый случай, что онъ лишенъ былъ утѣшенія участвовать въ пасхальномъ крестномъ ходу. Первый день онъ провелъ хорошо; но на второй — въ понедѣльникъ слегъ, и ужъ никакія усилія врачей не могли поднять его съ одра болѣзни.

Сознаніе, память и молитвенный духъ не оставляли о. Василия до самыхъ послѣднихъ часовъ его жизни. Чувствуя приближеніе смерти, онъ исполнилъ послѣдній долгъ христіанина:

въ пятницу свѣтлой недѣли, 21 апрѣля, исповѣдался, въ субботу пріобщился литургійными дарами тѣла и крови Христовой, а въ субботу, въ полномъ сознаниі, принялъ таинство елеосвященія и на слѣдующій день—въ Ѳомино воскресенье, 23 апрѣля, въ 5 минутъ 4-го часа по полудни душа его, какъ зрѣлый плодъ, безболѣзненно отдѣлилась отъ тѣла, которое въ продолженіи 83-хъ лѣтъ служило ей послушнымъ орудіемъ въ дѣланіи добра и правды.

«Удивительно хорошо умираетъ благочестивый старецъ», сказалъ командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, князь А. И. Барятинскій, навѣстившій больнаго на канунѣ его смерти. Удивительно хорошо и благочестиво онъ умеръ, скажемъ мы теперь, когда уже не стало его между нами.

Лишь только удары колокола разнесли вѣсть о смерти о. Василія, какъ въ квартиру его стали стекаться люди разнаго званія и состоянія. Между рыдавшими не мало было и такихъ, которые пользовались благодѣяніями покойнаго. 25-го апрѣля, въ часъ по полудни, протопресвитеръ В. Б. Бажановъ вынесъ усопшаго въ Преображенскій соборъ, а на слѣдующій день—26 апрѣля, при многочисленномъ собраніи гвардейскаго духовенства, совершилъ чинъ отпѣванія. Въ половинѣ втораго часа, по окончаніи отпѣванія, пасхальнопраздничная и вмѣстѣ печальная процессія, съ крестнымъ ходомъ, двинулась по Невскому проспекту къ градскому Смоленскому кладбищу, гдѣ погребены два сына о. Василія Яковлевича, съ которыми соединился тутъ и онъ самъ.

Касаясь жизни о. Василія, мы не можемъ миновать замѣчательнаго случая его прозорливости. Въ понедѣльникъ страстной седмицы, 10 апрѣля, одинъ изъ духовныхъ дѣтей его—графъ П-нъ, имѣя обыкновеніе исповѣдываться у себя на дому, прислалъ спросить своего отца духовнаго, въ какое время предстоявшей среды прислать за нимъ. Старецъ отказался ѣхать, указывая на свою немощь. Въ среду, 12 числа, самъ графъ прибылъ къ о. Василію и принялъ отъ него христіанскій долгъ исповѣди. При этомъ онъ обратилъ вниманіе на икону Спаси-

теля, о которой мы упомянули выше, коснулся ея исторіи, и усердно просилъ о. Василія дать ему списать съ ней копію. Благочестивое желаніе духовнаго сына старецъ принялъ съ удовольствіемъ, и предложилъ ему прислать за образомъ. Въ понедѣльникъ пасхальной недѣли, 17 апрѣля, сенаторъ Т-скій пріѣхалъ за нимъ. Но о. Василій, окончательно заболѣвшій въ этотъ день, усердно просилъ генерала не лишать его утѣшенія зрѣть небесный ликъ Изображеннаго на образѣ, предлагая ему пріѣхать за иконою въ «предстоящее воскресенье—и *Бога ради, не утромъ*», проговорилъ старецъ, отпуская генерала. Въ четыре часа Т-кій прибылъ за образомъ, и о. Василій, уже вынесенный изъ кабинета въ залу, не препятствовалъ генералу взять образъ для указанной цѣли... Сложеніе обстоятельствъ удивительное!

Такъ кончилъ свое поприще земное нашъ замѣчательный пастырь,—его ужъ нѣтъ между нами, онъ умеръ; но впечатлѣніе, произведенное имъ на сердца встрѣчавшихся съ нимъ, изъ тумана годовъ не разъ вызоветъ его свѣтлый образъ.

Священникъ Ілія Свиткинъ.

С. Петербургъ.

